

Ономастика в трудах В.И. Даля и её роль в этимологических исследованиях

Onomastics in the works of V.I. DAL and its role in etymological research

Ковалев Г.Ф.

Д-р филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет

Kovalev G.F.

Doctor of Philology, Professor, Voronezh State University

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистического наследия выдающегося русского лексикографа В.И. Даля. Его словарь универсален: в него попала лексика, отражающая не столько литературный язык, сколько временной срез русского национального языка первой половины XIX в. Поэтому его данные хорошо работают как источник и в истории русского языка, и в этимологических исследованиях.

Ключевые слова: словарь, диалектная лексика, ономастика, этимология.

Abstract

The article is devoted to the study of the linguistic heritage of the outstanding Russian lexicographer V.I. Dal. His dictionary is universal: it contains vocabulary that reflects not so much the literary language, but rather a time slice of the Russian national language of the first half of the XIX century. Therefore, his data work well as a source in the history of the Russian language and in etymological studies.

Keywords: dictionary, dialect vocabulary, onomastics, etymology.

Примечательно, что В.И. Даль родился 10 ноября 1801 г. в г. Лугани (сейчас Луганск), в один день с реформатором церкви Мартином Лютером и поэтом Шиллером. Предки Даля происходили из Дании, родины Ганса Христиана Андерсена, а его родственники и до сих пор здесь живут.

Главным результатом всей жизни В.И. Даля стали четыре тома «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863-1866), словаря, создать который не под силу и академическому институту. А ведь это был титанический труд одного человека. Правда, у автора была масса корреспондентов по всей великой России, однако всё равно просто не верится, что все это собрал и научно классифицировал, описал один-единственный человек. Не верится, да ведь так оно и было! Народ российский обязан считать деятельность этого самозабвенного труженика на ниве языка русского великим подвигом.

В полемическом пылу, отрицая роль отечественных писателей, но абсолютно справедливо в отношении гения-собирателя, В.В. Розанов писал: «Почвенное собрал у нас только Даль, в «Пословицах русского народа», в «Толковом словаре великорусского языка» [10: 200]. У Владимира Ивановича перед глазами были прекрасные примеры: замечательный словарь сербского языка Вука Караджича (Српскирјечник, истолкован њемачком и латинским рјечма. У Бечу, 1818), польского языка С.Б. Линде (Linde S.B. Słownikjęzykapolskiego. Lwów, 1854-1860, t.1-6). Но и сам В.И. Даль подал прекрасный пример братьям-славянам. Именно вслед за ним такие же уникальные национальные словари были созданы белорусом И.И. Носовичем (Словарь белорусского наречия. СПб., 1870), болгаринцем Николаем Геровым (Рѣчникъ на бльгарскій языкъ. Пловдив, 1895-1904, т.1-5), украинцем Борисом Гринченко (Словарь украинского языка / Под ред. Б.Д. Гринченко. Киев, 1907-1909, т. 1-4).

Словарь В.И. Даля в советское время считали областным, диалектным. И это отчасти справедливо, поскольку в словаре собраны жемчужины русской речи со всех краев и окраин России. Особенно ведь так стали оценивать Словарь В.И. Даля после характеристики, данной ему В.И. Лениным в письме к наркому просвещения А.В. Луначарскому [18 янв. 1920 г.]: «Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел» [Правда, 1940, 21 января].

Но это еще не вся правда: нужно довериться самому Далю – ведь он-то назвал свой словарь не областным, а Толковым словарем ЖИВОГО великорусского языка. Вот в чем суть далевского словаря: он дает срез современного ему живого русского языка. Поэтому здесь мы найдем и диалектные, и просторечные, и книжные слова; и лексику коренную русскую, и лексику, заимствованную из самых разных языков (в основном тюркских, а также европейские слова-термины). А то, что основным в словаре всё-таки стало областное крестьянское слово, – так это только потому, что основным населением России первой половины XIX в. было безграмотное и бесфамильное крестьянство, не сбросившее ещё оковы крепостного права.

Владимир Иванович не был ханжой. Он правильно понимал ценность каждого русского слова, поэтому его Словарь, кроме всех стилистических слоев русского языка, включал и сниженную лексику, и даже... русский мат. Громадное место у Даля уделено этнографическим реалиям. По статьям Словаря Даля (а зачастую и только по ним) можно восстановить воочию мир российского крестьянина, купца, ремесленника и даже изгоя общества, попавшего в юридическую немилость. Поэтому, оглядываясь на определение, данное в попыхах В.Г. Белинским «Евгению Онегину» А.С. Пушкина – «Энциклопедия русской жизни», Словарь В.И. Даля вполне можно было бы назвать «Энциклопедией русской речи».

Не зря писал В.И. Макаров – прекрасный знаток творчества В.И. Даля: «Даже при необходимости проиллюстрировать то или иное слово современного общенародного языка, в том числе литературного, журналисты нередко обращаются не к Словарю С.И. Ожегова или Большому академическому словарю в 17 томах, а к словарю В.И. Даля. Иногда в этом их оплошность, но значительно чаще – красноречивая закономерность: у Даля широта и глубина разработки значений слов в общекультурном национальном контексте поразительны» [8: 7].

Громадное место у Даля уделено этнографическим реалиям. По статьям Словаря Даля (а зачастую и только по ним) можно восстановить воочию мир российского крестьянина, купца, ремесленника и даже изгоя общества, попавшего в юридическую немилость. Поэтому, оглядываясь на определение, в горячах данное В.Г. Белинским роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» – «Энциклопедия русской жизни», Словарь В.И. Даля вполне заслуживает, чтобы его называли «Энциклопедией живой русской речи».

Ономастические единицы, включенные в словарь В.И. Даля, уникальны для отечественной, тем более современной лексикографии, игнорирующей всякие проявления ономастики в своих словарных статьях. Правда, антропонимов и этнонимов в чистом виде в далевском Словаре тоже нет.

Среди онимов, помещенных и растолкованных в Словаре В.И. Даля, прежде всего, следует отметить сложные единицы, включающие антропонимические элементы. Это хрононимы, отражающие народный календарь (напр. день *Авдотьи-малиновки*, *Авдотьи-плющихи*, *Агафии-коровятницы*, *Агафона-огуменника*, *Аграфены-купальщицы*, *Аксиньи-полухлебницы* или *-полузимницы*, *Акулины-гречушницы*, *Алексея-теплаго* или *Алексея-с-гор-вода*, *Ивана долгаго* и др.) и народные фитонимы (*Авраамово* дерево, *Адамово* дерево, *Адамова борода*, *Адамова кость*, *Иван-трава*, *Иван-чай*, и др.).

Имена собственные не просто бытовали в речи русского народа, они отражают характерные черты персон-носителей имен, включались в более сложный слой речи – в пословицы и поговорки. Вот лишь несколько примеров из сборника Пословиц, собранных В.И. Далем [3]:

Авдей из др.-евр. 'раб, слуга Бога' или из греч. – имя библейского пророка [11: 103]. В русских говорах Авдей – прозвище глупого человека: «Наш Авдей никому не злодей», «Глупому Авдею наколотили шею», «Пропал Авдей от злых людей».

Агафья из греч. 'добрая, хорошая' [11: 346]. В русских говорах Агашаглуповатая, простоватая': «Мели Агаша: изба-то наша», «Агаша, не ступи в кашу: Агаша ноги трясёт».

Акулина из лат. 'орлиная' [11: 348]. В русских говорах: Акуля, Акулька (Окулька) известны в значениях: 'неряха', 'неумытая', 'неумелая', 'рассеянная'; 'неопрятная женщина': «Акуля, что шьёшь не оттуля? – А я, мачка, ишшо пороть буду!», «Наварила, напекла Акулина про Петра», «Дуй, Дунька, подувай Акулька, считай разы!», «Акулина Федосеевна до чужих ребят милосердна», «Улька Акульки не хуже».

Гаврила из др.-евр. 'моя мощь – бог': габри – 'сильный муж' + эль – 'бог' [11: 151]. В русских говорах Гаврик 'простак, простофиля, разиня, глупец': «Ты, Исай, наверх ступай; ты, Денис, иди на низ; а ты, Гаврила, поддержишь за молотило».

Евдокия из греч. 'благоволение' [11: 340]. В русских говорах имена Дуня, Дуняша, Дунька бытуют в значении 'простоватая, глуповатая': «Наша Дунька не брезгунька, жрёт и мёд».

Елисей из др.-евр. 'бог, спасение' [11: 181]. В русских говорах 'проньра, пролаза'; 'льстец': «Сидит Елеся, ножки свеся».

Емельян из лат. 'римское родовое имя', возможно, 'участник соревнования' или по названию местности [Суперанская 1998, с.182]. Действительно, это имя происходит от римского поместного имени Emilia – Emilianus. Правда. В словаре Н.А.Петровского дается греческая этимология: от греч. айулийес – льстивый [9: 131]. В русских говорах: 'болтун, глупый': «Мели, Емеля, твоя неделя», «Не мели, Емеля, не твоя неделя!», «Ему говорят про попа, а он про Емелю дурака».

Ерёма из др.-евр. 'вознесённый богом' [11: 184]. В русских говорах – 'глупый, недалёкий человек': «Сунуло Еремушку к семи чертям», «Ерёма, Ерёма! Сидел бы ты дома, да точил веретёна», «Всяк Еремей про себя разумей!», «Указчик Ерёма, указывай дома!», «Наш Ерёма не сказался дома», «По Ерёмке шапка, по Сеньке кафтан».

Кирилл из греч. кириос 'повелитель, владыка' [11: 209]. В русских говорах Кирилка, Кирюша, Кирюха 'пьяница', 'прозвище человека сердитого, мрачного, надувшего губы': «Кирилла не отворачивает от чарки рыла», «Радуйся, Кирюшка, будет у бабушки пирушка», «Эх, Кирей, не нашёл ты дверей!», «Расход Кириллова монастыря, а приход – Репной пустыни».

Кузьма из греч. Косма 'космос, мир, порядок, мироздание' [11: 216]. В русских говорах: 'горемыка', 'злой человек'. Кузенька – 'о простодушном, беззлобном, а также несчастном, бесталанном человеке': «Кузенькуподкузьмили. Горькому Кузеньке – горькая и долюшка», «Поживёшь – и Кузьму отцом назовёшь», «Не грози, Кузьма, не дрожит корчма», «Прежде Кузьма огороды копал, а ныне Кузьма в воеводы попал» [4: 21].

Мартын из лат. 'воинственный', 'римский бог войны Марс' [11: 232]. В русских говорах Мартын, Мартынушка 'безобразное лицо'; 'человек с шутовскими манерами': «Мартын с балалайкой»: «Добр Мартын, коли есть алтын», «Потерял Мартын отцов алтын», «Не ждёт Мартын чужих полтын; стоит Мартын за свой алтын», «Алтын Мартыну – ни сапог подшить, ни скоба подковать», «Шутил Мартын, да и свалился под тын».

Фока из греч. Фокос 'имя легендарного основателя Фокиды – области Средней Греции, включающей гору Парнас' [11: 327]. В русских говорах: 'дурачок', 'простофиля': «Взяло Фоку сзади и сбоку», «Денис, ступай на низ; а ты, Фока, гляди сбоку», «Фоку да Якова и сорока знает», «Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко: хоть за Фоку, да подле боку», «Фоку приставляй сбоку, а Демид прямо глядит».

Фома из греч. 'близнец' [11: 327]. Имя широко известно в народе. Оно употребляется с иронией в значениях: 'простофиля', 'шут': «Один сынище, и тот Фомище», «Ищи, Фома, чтоб полна была сума; ищи, Еремей, чтоб не растрясти своей!», «Знают Фому и в рогозинном ряду», «Фома не купит ума, своего продаст», «Горюет Фома, что пуста у него сума», «Фома

на гудке играть, а Ерёма глазами мигать», «У Фомки пили-пили, да Фомку же и били», «У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома», «Зовут Фоמוю, а живёт собою: в гости не ездит, и к себе не зовёт».

Яков из др.-евр. *якоб* : *ак*еб 'пятка; согласно библейскому преданию, Яков – близнец, родившийся вторым, – держал своего первородного брата Исава за пятку, чтобы не отстать от него' [11: 342]. В русских говорах: 'недалёкий человек': «Потягота на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого», «Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы», «Перепадает и всякому, да не как Якову», «Ну, Яшка, плоха твоя замашка!», «Затвердил, что сорока Якова одно про всякого», «Не тужила, не плакала – пошла Марфа за Якова!».

Много и плодотворно В.И. Даль потрудился и над катойконимами, правда, гораздо больше он их приводит в своем собрании «Пословиц русского народа»: «"И пензенцы в Москве свою ворону узнали", "Новгородцы такали, такали, да Новгород и протакакали", "Верейцы – сочевники", "Дмитровцы – лягушечники, болотники", "Рузцы – дровосеки", "Тверитяне вприглядку с сахаром чай пьют. Цуканы", "Кимряки – сычужники" и т.п.» [3].

Наличествующие в Словаре этнонимы чаще подаются в переносном значении (*немец, немка* – 'немой, немая') и реже в прямом (абаз).

Конечно же, много данных, касающихся мифологических элементов. Так, большая статья посвящена имени Иван и его мифологизму в фольклоре и в быту.

Особое внимание В.И. Даль уделит народной астрономии. Прежде всего, это названия *Плеяд, Полярной звезды, Большой Медведицы, Венеры, и Млечного Пути* в народных говорах. Созвездие Плеяды, состоящее из шести хорошо видимых и одной слабо видимой звёзд, в русском языке чаще всего называется родным словом *Стожары*. Популяризатор астрономии М.М. Дагаев полагал, что это название «означает "множество огней" (сто – много; жар – огонь)» [2: 39]. Конечно же, это типичнейший образец так называемой народной этимологии. В.В. Иванов и В.Н. Топоров без каких-либо ссылок на источник производят *Стожары* от *Волостожары*. Правильное понимание этого названия обнаруживается в Словаре В.И. Даля. Оно обозначает шести вокруг *стога* сена, воткнутые для укрепления или ограждения. Польский языковед и этнограф К. Мошинский попытался объяснить название Волостожары через перенесение этого названия с названия Полярной звезды: «Однако с т.зр. на то, что в некоторых местах России народ и посегонда знает её (Полярную звезду – *Г.К.*) и называет *стожаром*, понимая как шест, вокруг которого ходит вол, напрашивается: не носила ли она когда-то название *volostožarъ* 'столб для привязи волов' и не то ли название, изменивши семантику, дало начало многочисленным вариантам одного из древних имён Плеяд (рус. *волосожар, стожары, болг. стожарі* и т.д.)». Именно это созвездие играло серьезную роль для определения времени в ночные часы. Некоторые учёные даже полагают, что это основное созвездие в русской народной астрономической системе.

В народных говорах русского языка насчитывается около 40 названий этого созвездия. В воронежских говорах *Стожары* называются по-разному: иногда *Стожары* ("Я дю'жа люблю' э'тусазве'здию – *Стажа'ры*"; с. Красное, Таловский р-н), но гораздо чаще *Висожа'ры, Восожа'ры, Высожа'рь* и *Волосожа'ры*. У В.И. Даля мы находим: «Стожары, созвездие плеяд, Волосожары, утиное гнездо; местами зовут так медведицу, юж. воз, причислив к ней полярную звезду, которая и представляет стожар, кол, вокруг которого ходит лось или лошадь на приколе. "Коли звездисто и стожар (созвездие плеяд) горит – иди смело на медведя"».

В русских говорах наблюдается более 50 различных названий Большой Медведицы. По ходу Большой Медведицы на небе в ночное время легко высчитывать время. Видимо, благодаря именно данной функции это созвездие, как и Плеяды (Стожары), в говорах Воронежской области иногда называют *Висожарами* или *Восожарами*: Большая Медведица у Даля подана в народной номинации: «Коромысло – созвездие Большой Медведицы, по которому крестьяне узнают полночь, говоря: коромысел докачался: на юге воз, на вост. конь на приколе, на сев.лось».

В русских народных говорах Млечный путь имеет более двух десятков названий. В воронежских говорах он чаще всего называется *Батева Дорога* (*Ба'теваиБате'ва, Бата'ва, Бате'ева, Ба'тьева, Баде'ева, Ба'дева, Баде'ва и Баке'ева*). В с. Затон Бутурлиновского р-на о Млечном пути говорят так: «*Ба'тевадаро'га – яркяя, хучзвёздушкишишита'й*». В с. Русская Гвоздёвка Семилукского р-на Млечный путь описывают почти также: «*Бате'вадаро'га на не'бу – звёзды в ря'душыкпратину'лись, ча'стыи звёзды на э'нтайдаро'шки*». А в д. Третьяки Борисоглебского р-на, да и во многих других районах Воронежской области это название объясняют следующим образом: «*Звёзды, е'сли как даро'га, – е'таБа'теваДаро'га. Ра'ньшысалда'тыхади'ли на е'нтайдаро'ги*». В словаре В.И. Даля это название восстановлено и приведено как *Батыева дорога*, то есть дорога, по которой проходили воины Батя: «Батыева дорога, (Бакеева дорога) тмб., тул. моисеева дорога, моисеев или млечный путь».

В 1845 г. в доме В.И. Даля открывается Русское Географическое общество. Владимир Иванович не только предоставил свою квартиру в качестве штаба этого объединения выдающихся российских ученых, но и сам был учредителем и активным его членом.

А вот несколько образцов жизненной пригодности Словаря В.И. Даля в наше время. Для В.В. Набокова в вынужденной эмиграции словарь В.И. Даля оказался нитью, связующей его с Родиной. Вот что он писал в воспоминаниях «Другие берега»: «Однажды, на рыночной площади посреди Кембриджа, я нашел на книжном лотке среди подержанных Гомеров и Горацийев "Толковый словарь" Даля в четырех томах. Я приобрел его за полкроны и читал его, по несколько страниц ежевечерне, отмечая прелестные слова и выражения...».

Вера Инбер писала сразу после снятия ленинградской блокады: «Вчера полдня упивалась словарем Даля. Читала букву "Ш". Это мне нужно для шума деревьев. Но я убеждаюсь, что Даля надо читать ежедневно и что наш поэтический словарь, за исключением одного, быть может, Пастернака, очень убог» [5: 156].

Писатель из Екатеринбурга В. Крапивин: «Даль был по образованию моряком, и в его словарь попало много морской терминологии. А я много пишу о море, о морских приключениях, и все эти слова для меня очень важны» [13].

Известный российский прозаик А. Битов рассуждал о происхождении собственной фамилии: «... с фамилией много было всего связано, про одну только фамилию можно рассказать новеллу... Фамилия ясная, простая, но ни одного однофамильца за всю жизнь не встретил ...

А в году так в 57-м, когда я еще писал стихи, руководитель нашего литобъединения в Горном институте, – был такой хороший ленинградский поэт Глеб Семенов, – позвал как-то литературного генерала, Бориса Абрамовича Слуцкого, слушать молодых... И вот он их слушал и только спрашивал: "Фамилия у тебя как?" – "Британишский". – "Надо брать псевдоним!". "Фамилия?" – "Кушнер". – "Надо брать псевдоним!". А в конце говорит: "А этот молодой человек симпатичный – чего тут сидит молчит?" – "Да я только начал писать, вообще-то..." – "А фамилия как?" – "Битов", – а он говорит: "Вот это фамилия!"...

Были у меня всякие тщеславные старинные дядюшки, которые даже подумывали о том, что фамилию эту надо писать с двумя "ф" на конце... Тем не менее дразнилки в школе после войны все были по фамилиям, и я был Битый, Биток (т.е. котлета) и т.д. Потом, когда начал сочинять какие-то первые стишки, подумывал, не взять ли материнскую красивую фамилию – Кедров... Затем раздобыл как-то словарь Даля и сразу посмотрел, конечно, слово "бить", и нашел замечательную этимологию... Дело в том, что проследить далеко генеалогию Битовых я не могу, но корни уходят куда-то на Север, в поморские края. Знаю, что прадед имел лесосплав и пропил его на Олонце, потом они спустились в Череповец... и вот я далее читаю, что "битать" – это водить лодку, а "битовня" – это снасть! Ну, думаю, – все, морская фамилия, значит! Красивая романтика, и всякое такое, но дело в том, что Даль, этот датчанин-швед, был западный довольно человек, все записывал, что положено по букве, ничего не пропускал, – так вот он в скобках напротив этого толкования написал: "крайне сомнительно!"

Все-таки я думаю, кого-то когда-то побили... Но не исключено и редуцирование восточных фамилий – обрезанная, как "Боков" от "Набоков"» [1].

А вот воспоминания прекрасного поэта-переводчика С. Липкина о лингвистическом конфликте между Э. Багрицким, С. Есениным и... В.И. Далем: «Однажды (пересказываю Багрицкого), когда он сидел в кабинете редактора, вошел туда Есенин. Воронский представил ему Багрицкого, сказал: «Вот, собираем литературные силы, товарищ приехал из Одессы, мы его напечатали», – и показал Есенину свежий номер журнала. Есенин прочел стихотворение, небрежно заметил: "Здесь нехорошо "земля рассолодела", нужно "рассолодела". Багрицкий возразил – мол, его ударение правильное. "Зачем спорить, – решил помирить поэтов Воронский, – заглянем в Даля". По словам Багрицкого, Даль подтвердил его правоту. "Что он понимает в русском языке, этот жид", – будто бы сказал Есенин о Дале.

Выслушав рассказ Багрицкого, я пошел в нашу Публичную библиотеку на Херсонской, взял четвертый том Даля, – впервые взял в руки словарь. Прав оказался Есенин. "Разсолодѣть" – утверждает обрусевший датчанин» [7: 266].

А.Е. Крученых вспоминал, что словарь В.И. Даля помог ему «узнать» слово *лампопо*: «Маяковский записывал слова, когда выступал. У него есть такие странные слова, что мы даже не знаем, откуда они. Например, в одном журнале ("Бов" или "Крысодав", не помню) были к рисункам четверостишия. <...> Там есть такая строка: "Успокойтесь жизнь малина лампопо". Что такое "лампопо"? Есть "Лимпопо" у Чуковского, это река в Африке, а "лампопо", оказывается, есть в словаре Даля. Я как-то разговаривал с Л.А. Кассилем. Он сказал, что написал вещь, где одна лисица говорила, что растерзала дичь "по-по-лам, по-по-лам, лам-по-по, лам-по-по". "Я думал, – сказал Кассиль, – что это я сочинил, а оказывается это есть у Маяковского и в словаре Даля..." У Даля сказано, что это перестановка слова по-по-лам, лам-по-по. При игре в карты оно означает, что взятки взяли пополам, или оно означает легкий напиток: пополам лимонад и еще какая-нибудь вода. "Из малины – лампопо". С Маяковским осторожно надо быть» [6:230].

И, наконец, последний, казусный случай. Писатель Э. Успенский задумал судиться из-за названия магазина, в котором использовано слово, придуманное, как полагает маститый автор, именно им самим – *Чебурашка*. Адвокат Э. Успенского заявил по телевидению о «праве собственности писателя на это слово». Многие стали недоумевать, что же он таким образом и весь русский словарь себе присвоит? Так, Ю. Вронский, чтобы дойти до истины, обратился к Словарю В.И. Даля: «Чебурахать, чебурахнуть, чебурахнуться» – глаголы, означающие бросание или падение чего-либо или кого-либо. Глагол «чебурахнуться» особенно часто звучит в речи детей, потому что дети падают чаще взрослых. Он удачно использован в сказочке Горького «Про воробышку». Есть и существительное «чебурашка». Это «ванька-встанька, куколка, которая, как ни кинь ее, сама встает на ноги». Такая вот лингвистическая «собственность»... А как легко было избежать конфуза – всего лишь заглянуть в словарь!» [12].

И, действительно, когда обращаешься к этимологическим словарям русского языка, убеждаешься, насколько они недалеко ушли от Даля в исторической семантизации – как правило, авторы словарных статей стараются лишь накидать побольше примеров из Даля, из других славянских языков, а ты уже сам разбирайся, как это соотносится с древнейшими формами.

Изо всего этого мы видим, что Словарь В.И. Даля не только не устарел – с каждым годом он становится все более необходимым, востребованным. Да и мы вовсе не возвращаемся к нашей жемчужине, а движемся за ним вперед!

Литература

1. *Битов А.* XXI век уже наступил // Литературная газета, 1996. – №51. – С. 5.
2. *Дагаев М.М.* Наблюдения звёздного неба. – Москва, 1983. – 175 с.

3. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. – Москва, 1862. – 259 с.
4. *Иллюстров И.И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках.– СПб., 1910. – 469 с.
5. *Инбер В.М.* Страницы дней перебирая...– Москва, 1977. –С. 156.
6. *Крученых А.Е.* Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых. – Berkeley, 1999. – 498 с.
7. *Липкин С.И.* Квадрига. – Москва, 1997. – 640 с.
8. *Макаров В.И.* В.И. Даль и восточнославянская диалектология // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки, 2001. –№2. – С. 6-17.
9. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. – Москва, 1996 – 480 с.
10. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. – Москва, 1995. – С. 200.
11. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. – Москва, 1998. – 528 с.
12. Литературная газета, 1999. – №33-34. – С.9.
13. Деловой вторник, 2001. – С. 4.